

- ¹⁶ См.: Спицын А. А. Некоторые находки медного века // Изв. ИАК. СПб., 1909. № 29. С. 65–67.
- ¹⁷ См. Малов Н. М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 37.
- ¹⁸ См. Орехов В. Ф. Раскопки 2-х курганов при с. Адовщине, Хвалынский у. // Труды СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31. С. 131–134.
- ¹⁹ См.: Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. М., 1955. № 46. С. 46.
- ²⁰ См.: О выдаче М. А. Радищеву открытого листа на раскопки в пределах Хвалынского уезда Саратовской губернии. 1914–1915 гг. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. № 320. Лист 3, 10.
- ²¹ См.: Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 119. С. 113–116; Малов Н. М. Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12. С. 5–7.
- ²² См.: Зайковский Б. В. Находки на Колышлее // Тр. СУАК. Саратов, 1910. Вып. 25Б. С. 18–21. Рис. 1.
- ²³ Отчет ИАК за 1914 год. М., 1915. С. 9. Рис. 1.
- ²⁴ См.: Книга записи вещей СУАК. Т. I. Л. 318. № 860 // Фонды СОМК; Максимов Е. К. Материалы из Хвалынского музея // СА. 1962. № 3. С. 282–283. Рис. 2–2,4.
- ²⁵ См.: Максимов Е. К. Указ. соч. С. 283–284. Рис. 2–1.
- ²⁶ Там же. С. 282–283. Рис. 1.
- ²⁷ Там же. С. 285–286. Рис. 3–3, 5

УДК 94(47).044

ДОРОГА ЦАРЕВИЧА МУРАД-ГИРЕЯ В АСТРАХАНЬ

А. В. Беляков

Филиал Московского психолого-социального университета, Рязань
E-mail: feb@ru.ru

Статья посвящена тому, как Москва организовала приезд крымского царевича Мурад-Гирея, оказавшегося в результате очередного династического конфликта Гиреев в России, в Астрахань осенью 1586 г. и как данное событие было ею использовано для решения своих внешнеполитических задач по усилению своего влияния на Северном Кавказе и борьбе с крымскими набегами.

Ключевые слова: Мурад-Гирей, русско-крымские отношения, русско-ногайские отношения, Чингисиды, Россия в XVI в.

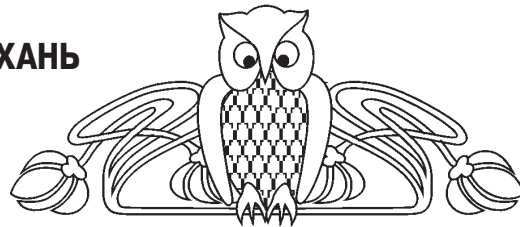
A Trip of Tsarevich Murad Geray to Astrakhan

A. V. Belyakov

The given article focuses on the visit of a Crimean tsrevich Murad Geray in the autumn 1586 to Astrakhan, organized by Moscow authorities. It was the time when Murad Geray had to come in Russia in because of another dynastic conflict. The author also engages the issue, how this event was used by the Moscovites for the sake of their foreign-policy objectives regarding their empowerment at North Caucasus and fight against Crimean invasions.

Key words: Murad Geray, Russian-Crimean relations, Russian-Nogaian relations, descents of Genghis Khan, Russia of XVI century.

На протяжении 80-х гг. XVI столетия Крымское ханство пребывало в состоянии затяжного кризиса, получившего в историографии наименование «династический кризис Гиреев». «Ссора великая в Крымском юрте» разгоралась постепенно. Ее корни лежат в самой системе престолонаследия в доме Гиреев, допускавшей как наследование ханского престола старшим сыном умершего хана, так и следующим по старшинству братом. При этом помимо противоречий между двумя системами наследования, под которыми следует

понимать традиции оседлых государств (наследование престола старшим сыном) и монгольским правом (наследование старшим представителем династии)¹, существовало еще и противоречие между султанской инвеститурой нового хана и его утверждением (или избранием) главами ведущих татарских родов в русле многовековой джучидской традиции. Подобная ситуация уже приводила к длительным периодам «двоецарствия» в Крыму. Правда, к 70-м гг. XVI в. династия Гиреев была представлена только потомками хана Девлет-Гирея I (1551–1577 гг.) – его многочисленными сыновьями и внуками. Потомство братьев Девлет-Гирея I оказалось уничтоженным в ходе многочисленных династических распрей 40–50-х гг. XVI в.

В начале 80-х гг. XVI в. последовала очередная эскалация кризиса, в результате которой был убит хан Мухаммед-Гирей II (1577–1584 гг.). Новым ханом провозгласили его брата Ислам-Гирея II (1584–1588 гг.). Однако новый хан имел слабую поддержку среди местной аристократии. Благодаря этому летом 1584 г. царевичи, сыновья Мухаммед-Гирея II Сеадет-Гирей, Мурад-Гирей и Сафа-Гирей, до этого вынужденные бежать из Крыма, при помощи ногайских мирз на два с половиной месяца захватили власть на полуострове².

Ханом провозгласили Сеадет-Гирея, Мурад-Гирей стал калгой. Осенью 1584 г. при помощи 3 тыс. турецких янычар Ислам-Гирею удалось восстановить свою власть³. Но сыновья Мухаммед-Гирея II не сложили оружия. Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей пытались найти поддержку в Больших Ногах, исконных врагах Крыма, и на Северном

Кавказе – «в Шевкалах» (северо-восточная часть Дагестана, где находилось Тарковское Шахмальство, населенное кумыками). Мурад-Гирей должен был заручиться поддержкой московского царя Федора Ивановича. Вначале он отправился в Астрахань. После ссылок астраханских воевод с Москвой царевич прибыл в столицу, где ему была устроена торжественная встреча. Это произошло, судя по описи Посольского приказа 1626 г., до 1 сентября 1585 г.⁴, после чего начались долгие переговоры о возможной помощи беглым Гиреям.

Окончательная договоренность была достигнута в начале лета 1586 г. Мы можем в общих чертах реконструировать условия договора: по нему Мурад-Гирей был послан на жительство в Астрахань. Статус царевича в городе установить тяжело. У нас нет однозначных сообщений о пожаловании Чингисиды городом⁵. Но астраханские доходы частично шли на содержание Гирея и его двора⁶. Хотя нельзя не отметить, что Астрахань в рассматриваемое время не могла существовать без постоянных присылок продуктов питания и иных товаров из центра. Царь Федор, судя по всему, обещал всестороннюю, в том числе и военную, помощь братьям в их борьбе за Крым. В частности, была обещана помощь терских, волжских, яицких и донских казаков⁷. Мурад-Гирей, в свою очередь, становился подданным московского царя и, по-видимому, отказывался от права отъезда⁸. Возможно, Сеadet-Гирей и Сафа-Гирей обещали согласовывать свои действия с Москвой. Сеadet-Гирей как признанный в России крымский хан обязался отправить одного из своих сыновей (Кумо-Гирея) в Москву в качестве аманата (заложника).

В последнее время появилось значительное количество работ, посвященных истории пребывания крымского царевича Мурад-Гирея в Астрахани на рубеже 80–90-х гг. XVI в.⁹ Однако в этой истории по-прежнему еще можно найти много интересных сюжетов. Один из них касается описания дороги царевича из Москвы в Астрахань летом – осенью 1586 г. Рассмотрим его. При этом нас в первую очередь будет интересовать то, как Москва организовала и использовала данное событие в своих внешнеполитических целях.

21 июня 1586 г. царевич Мурад-Гирей присутствовал на пиру у царя с боярами Ф. И. Мстиславским, Б. Ф. Годуновым, Ф. Н. Юрьевым, И. В. Сицким и окольниковым И. М. Бутурлиным. А 18 июля ему объявили об отпуске в Астрахань¹⁰. В июле Мурад-Гирей шертовал Федору Ивановичу за себя и за своих братьев, «царя» Сеadet-Гирея и царевича Сафа-Гирея, в том, «что быти им под государеву рукою в ево государеве жалованье и воле, и жити под Астараханью, и во всем государю лиха не хотети, и стояти против государевых недругов». Данная шертная грамота хранилась в Посольском приказе еще в 1626 г.¹¹ Время между двумя этими датами, скорее всего, было затрачено на организацию каравана, с которым Мурад-Гирей должен был прибыть в Астрахань.

С царевичем отправили думного дворянина и воеводу Романа Михайловича Пивова, воеводу Михаила Ивановича Бурцева, переводчика Степана Степанова, из Большова Дворца с кормом сытника (?) Федора Мисюрева, а также 73 человека послов ногайских и людей царевича. Для «береженья» и службы послали 10 детей боярских, стрелецкого голову Ивана Калемина с четырьмя сотниками и четырьмястами московскими стрельцами, 200 новгородских стрельцов с головою, а также терского атамана Бориса Татарина с десятью казаками. В Нижнем Новгороде к ним должны были присоединиться пятидесятник с тридцатью нижегородскими и двадцатью васьингородскими стрельцами¹². На самом деле стрельцов было несколько меньше заявленного. Некоторые из них находились «в нетях», другие решали свои дела в московских приказах. Имелся и просто некомплект сотен¹³.

Отправление царевича и его людей решили совместить с посылкой большого астраханского каравана с запасами. Из Москвы царевич с сопровождавшими его лицами вначале отправился в Ярославль. Нам неизвестно, формировался ли весь караван в этом городе или же здесь находились только струги, предназначенные под царевича, новых астраханских воевод и сопровождавшего их военного отряда. Интересен тот факт, что Гирея ни в этот, ни в последующих случаях не захотели посылать прямым водным путем через Москву-реку и Оку. Можно предположить, что это было сделано с тем, чтобы не показывать крымскому царевичу окских берегов, по которым в XVI в. проходил главный оборонительный рубеж от набегов крымских татар. Также следует сказать об особом статусе Ярославля как месте проживания знатных выходцев с Востока, сохранявших верность исламу, и приобретшего данную функцию приблизительно в это время¹⁴. Так, в непосредственной близости от города проживали романовские ногайские мирзы Юсуповы и Кутумовы со своими военными отрядами. Знакомство с ярославскими реалиями могло стать некой демонстрацией, призванной показать царевичу терпимое отношение к мусульманам в России.

Из Ярославля караван должен был выйти в конце июля – начале августа. По возможности ночевки, скорее всего, планировались в проплываемых городах. Здесь же царевичу, судя по всему, устраивали торжественные встречи. Нам известно косвенное упоминание об одной из них – организованной в Нижнем Новгороде. В Строгановской редакции Нижегородского летописца читаем: «Лето 7093-го (1594/95 г. – А. Б.). Приехал к Москве царевич крымской Мурат Киреев сын Девлеткиев государю, царю служить»¹⁵. В приезде в город Чингисиды не было ничего удивительного. Нижний Новгород в этот период играл роль своеобразных «восточных ворот» Московского государства. Через него проходили восточные купцы, посольства мусульманских го-

сударств и татарские царевичи, по тем или иным причинам вынужденные эмигрировать в Россию. Известны случаи, когда они даже вынуждены были оставаться в городе на зиму, до начала весенней навигации¹⁶. Интерес провинциального летописца к данному событию, очевидно, был вызван его явной экстраординарностью. Пути первого и последующих визитов Мурад-Гирея из Астрахани в Москву пролегали через Нижний. Но отмечено данное событие единожды. Возможно, причиной этого послужила пышная встреча, оказанная ему здесь по приказу из столицы. Но в таком случае летописец объединил воедино два события: дорогу царевича в Москву летом 1585 г. и торжественное его водворение в Астрахани в 1586 г. В противном случае получается, что уже в 1585 г. у Москвы были более чем определенные планы на Мурад-Гирея, и ему хотели польстить необычайно пышным и торжественным приемом на всем пути следования от Астрахани до Москвы. Если мы предположим торжественную встречу царевича в Нижнем Новгороде в 1586 г., то тогда мы вправе допустить подобное развитие событий и в иных городах, мимо которых он проплывал. Тогда мы видим несколько нелогичную ситуацию, когда в одних городах Мурад-Гирею устраивают торжественный прием как человеку, обладающему неким особым статусом (лидера иноземного государства?), а в других – просто не замечают. Для чего была оказана столь пышная встреча, мы скажем несколько ниже.

Нам известно, что плавание оказалось более длительным, нежели планировалось. В день проплывали не более 30 верст. Поэтому расходы на прокорм царевича и сопровождающих его людей оказались значительно больше ожидаемого. Ситуацию кардинально не изменило и пополнение запасов в Казани. Здесь же с разрешения казанских воевод было решено взять с собой местных рыбных ловцов. Однако ветер мешал успешной рыбной ловле. 15 сентября, когда караван находился в 20 верстах ниже Самары, у «Сервсково Самарсково устья», неожиданно поднялся сильный встречный ветер, выбрасывавший суда «на пески» и разломавший отдельные струги. Была потеряна часть запасов, в результате чего воеводы могли начать использовать запасы, предназначенные для Астрахани¹⁷.

Мы не знаем точных размеров поденного корма, положенного царевичу. Сохранились только сведения о поденном питье. «По дороге из Москвы Мурад-Гирей ежедневно получал по кружке меду вишневого или боярского, кружке меду обарного, три ведра меду цеженного, а его людям на всех давали по десяти ведер меду расхожего на день, да по полуведра вина горячего»¹⁸. В Астрахани, помимо этого, людям царевича полагался квас. В самом городе могли возникнуть проблемы с обеспечением царевича и его людей мясом (тоже могло происходить и в дороге). В таком случае его следовало заменять рыбой. В Астрахани для

царевича следовало поставить питьевые меды из (50 пудов) привезенного меда. 300 пудов меда предполагалось потратить на производство питьевых медов для приезжих мирз и ожидаемых братьев Мурад-Гирея¹⁹. Другая информация отсутствует. Частично восполнить ее могут данные о поденном корме вдовы царевича, царицы Ертуган, отпущенной в Крым осенью 1593 г. Тогда ей в дороге давали на день: «Две курицы, два денежных калача, крупы, соли, луку и чесноку на 3 деньги, свечей на 2 деньги. Ее людям (56 человек) полагалось 56 хлебов денежных, круп и соли на гривну. Кроме того, царице и ее людям на 2 дня была положена яловица (шкуру следовало отдавать назад)»²⁰. Дачи женщинам, как правило, были приблизительно в два раза ниже дач мужчинам того же ранга²¹. Если принять во внимание, что дорога царевича в Астрахань заняла не менее двух с половиной месяцев, то общие объемы получились значительно больше.

Еще больше ситуацию с едой усложнял тот факт, что к царевичу постоянно приходили волжские, яицкие и черкасские (донские) казаки. Так, 29 сентября на «Большклавском острове» царевич Мурад-Гирей встречал черкасского атамана Счастливого Матусова Грандина и 82 казаков конных. Узнав о пожаловании царевича, они пришли сюда еще в середине августа. За это время их запасы закончились. И они с голоду «громили» волжского атамана Федю Рязанцева с казаками, ватагу рыбных ловцов нижегородца Сивка, а также двух стругов Гришки Гольша с товарищами, которые шли с рыбою снизу. При этом многие оказались убитыми и ранеными со всех сторон. Мурад-Гирей взял их к себе на службу, отправив двух казаков, Ивана Бакбаза и Адама Романова, в Москву «за свои вины» бить челом царю²². По дороге к крымскому царевичу присоединились в общей сложности 22 черкасских, яицких волжских и терских атамана с 869 казаками²³. Е. Н. Кушева называет несколько иные цифры прибывших с царевичем в Астрахань военных людей: «1000 стрельцов, 900 волжских казаков и атаманов»²⁴. В Астрахани по царскому указу казакам назначают денежное (по 2 руб.) и хлебное жалование. Но их следовало кормить и в дороге, которая продлится еще более двух недель²⁵.

Приезд казаков не был случаен. Дело в том, что царевича планировалось использовать в крупной внешнеполитической игре, в которую в той или иной степени были вовлечены Крым, Османская империя, Персия, Большая и Малая Ногайские Орды, Речь Посполитая и ряд иных государств. Отправка Мурад-Гирея в Астрахань, при этом обставленная с особой пышностью, должна была стать демонстрацией силы. Следует отметить, что для разных участников этой игры тем самым давался свой особый сигнал, который мог полностью противоречить всем остальным. Москва однозначно заявляла о своем усилении в регионе Северного Кавказа и Прикаспия. Большая

и Малая Ногайские Орды, Тарковское Шахмальсво и ряд иных государственных образований Северного Кавказа должны теперь были учитывать это, а лучше полностью добровольно войти в орбиту политики России и стать подданными московского царя. При этом у отдельных ногайских мирз возникало ощущение, которое всячески поддерживалось Москвой: в Мурад-Гирее они получили третейского судью и защитника их интересов. Он должен был донести до московского царя их чаяния. Они еще до приезда царевича в Астрахань нет-нет, да и назовут его царем²⁶. До этого Москва только всячески ограничивала свободу передвижения ногаев, ставя города на месте перевозов через Волгу и в центрах из бывших кочевков. К тому же русские власти ничего не делали для того, чтобы прекратить постоянные казачьи набеги.

Мы не знаем статуса крымского царевича в Астрахани. Возможно, его следует рассматривать как политического лидера (главу) всех мусульман региона. В таком случае здесь могла быть создана параллельная и полностью подконтрольная русской администрации структура, объединявшая мусульман, наподобие того, что в это время существовало в Касимове или же – в Темникове²⁷. В то же самое время для Крыма был дан однозначный сигнал о готовности к силовому водворению сыновей Мухаммед-Гирея II на престоле их отца. При этом в Бахчисарае к данной демонстрации силы отнеслись более чем серьезно. В Крыму численность войск, двигавшихся с царевичем, значительно преувеличивали. Ислам-Гирей II ожидал неминуемого похода и не надеялся удержаться на престоле. Говорили, что Мурад-Гирею с братьями было дано 25 или даже 50 тысяч стрельцов «с вогненным боем»²⁸.

Однако на самом деле события в ближайшие месяцы должны были развиваться по несколько иному сценарию. Ни о каком большом крымском походе не могло быть и речи. Царевичу следовало замирить, в том числе и путем совершения самостоятельного зимнего военного похода, бия Малой Ногайской Орды (Казыев улус) Якшисаата, после чего ранней весной нужно было быть готовым к «Польскому» походу. Мурад-Гирей должен был возглавить до 3 тыс. ногаев Большой Орды, до 3 тыс. ногаев Малой Орды и крымцев (речь, скорее всего, идет о ногаях Дивеева улуса – Ногайском улусе Крымского ханства, поддерживавших беглых царевичей и откочевавших в это время из Крыма на Северный Кавказ), а также до 200 человек черкесов (кабардинцев)²⁹. Также планировалось привлечь к походу и казачество. Однако этот элемент трудно поддавался контролю и управлению. Поэтому в случае их отказа от участия в походе их собирались оставить для установления контроля над Волгой.

Таким образом, судя по всему, отправляясь в Астрахань, царевич дал обязательства послу-

жить русскому царю в планировавшемся походе на Речь Посполитую прежде, чем ему с братьями будут даны военные силы для возвращения себе Крыма. Другой вопрос, собиралась ли Москва выполнять взятые на себя обязательства? Скорее всего, нет. Здесь прекрасно осознавали, что посадить на крымский престол своего ставленника не так трудно, как впоследствии контролировать его. К тому же подобный шаг, безусловно, нарушил бы сложившуюся расстановку сил в регионе и стал причиной затяжной войны, в которой против России могли единым фронтом выступить Османская империя и Речь Посполитая, которых, вполне возможно, поддержали бы и народы Северного Кавказа. Москва, только вышедшая из Ливонской войны, не была готова к этому. Однако отказываться от возможностей, которые давали помещение Гирея в Астрахани, не хотели. Тем более что благодаря этому планировалось усилить контроль над обеими Ногайскими Ордами, народами Северного Кавказа и по возможности приостановить или сократить хотя бы на время постоянные крымские набеги. Таким образом, Мурад-Гирей, не осознавая того, стал участником крупной политической игры, в которой ему была предоставлена скромная роль послушной марионетки, хотя сам он воспринимал себя как одну из главных сил в политическом раскладе. Для этого и понадобилась громкая акция с приездом царевича в Астрахань.

Но это было не единственное, хотя и самое пышное действие, спланированное в Посольском приказе. Помимо каравана стругов, медленно двигавшегося по Волге, в разные стороны направлялись многочисленные гонцы или же допускалась контролируемая утечка информации. Благодаря этому даже возможно просочившаяся в Крым информация о «польском» походе могла рассматриваться там как очередная дезинформация, призванная прикрыть подготовку крупномасштабного похода на Крым. Но запах войны, без различия какой, витал в воздухе. Именно на него и слетались казаки. Но для этого до них также следовало донести соответствующую информацию. Она, скорее всего, содержала обещание получить государево денежное и хлебное жалование. При этом нельзя не отметить, что подобные известия доходили до казаков задолго до появления официальных известий об отправлении Мурад-Гирея в Астрахань³⁰.

Здесь следует отметить, что привлекать в Астрахань казаков следовало с большой осторожностью. Дело в том, что между ними и Большими Ногаями существовала старая и непримиримая вражда. Незадолго до этого яицкие казаки совершили очередной набег на ногаев. Поэтому далеко не все яицкие казаки рискнули присоединиться к Мурад-Гирею. И, кажется, не напрасно. Один из них, Тимошка Пиздыш, в конечном итоге был повешен. Правда, это наказание постигло его не за прошлые «заслуги», а за бесчинства по отношению к ногаям уже в Астрахани³¹.

В Астрахани стало известно о посылке туда царевича 8 сентября. С сообщением об этом и с подробными инструкциями послали Степана Мишурина. Позднее к воеводам пришел Степан Мишурин с грамотами от царевича и сопровождавших его воевод³². С этого момента начинается активная переписка между Москвой, Мурад-Гиреем, его братьями, астраханскими воеводами и ногайскими мирзами, следы которой частично сохранились в ногайских и крымских посольских столбцах. Так, уже 30 сентября в пяти верстах ниже о. Балыклей караван встретил Афанасия Ивантеева, отправленного из Астрахани с грамотами от астраханских воевод, Сеадет-Гирея к царю и Мурад-Гирею³³.

Царевич вынужден был сделать остановку за 15 верст до Астрахани на Долгом острове для того, чтобы в городе могли завершить приготовления для его торжественной встречи³⁴. Ранее астраханским воеводам велели построить для царевичей и его людей два двора добрых в остроге. Р. Пивову, М. Бурцеву, Ф. Мисюреву и переводчику С. Степанову дворы следовало построить недалеко от царевича. Для Мурад-Гирея выбрали дворы сотника казачьего Меншика Чемесова, Афанасия Рагозина и Ворошилки Торханова³⁵.

В Астрахань Мурад-Гирей торжественно въехал 15 октября. Ночью перед этим к царевичу на встречу послали: двух сотников и 300 человек стрельцов и казаков с «вогненным боем», трех пушкарей с тремя скорострельными пушками, 10 затынщиков с затынными пушками, большими атаманов с 75 казаками. Это было сделано для того, чтобы увеличить общую численность военного отряда посылаемого с Чингисидом, и произвести нужное впечатление на находящиеся в городе ногаев. Ногаи при въезде стояли на Старом Городище. Перед царевичем на стругах плыли стрелецкие головы Иван Змеев и Иван Калемин со стрельцами и волжские атаманы с казаками. Следом располагались астраханский сотник Василий Дурасов «с товарищи», артиллерией, астраханскими стрельцами и казаками. Далее в караване находилось судно с музыкальными инструментами: «с набаты и с накры, и с трубами, и с сурнами». С царевичем плыли воеводы, дети боярские и стрелецкие сотники. Потом шли суда с запасами и стрельцами с «рушницами». Астраханские воеводы вывели к пристани во главе со стрелецким головой Иваном Чегодаевым детей боярских, сотников на конях и «в наряде», 1000 стрельцов и казаков пеших «с вогненным боем» да 300 человек «юртовских татар». При встрече стреляли из ручниц с судов и берега «для ногайских людей», «а как царевича и воевод стрельба минулась», «велели по набатам и по нарком бити, и в суры играти для царевичева приезде и для иноземцев велел стреляти ис тритцати из одной пушки, а из большово наряду не стреляли». После этого Мурад-Гирею, его мирзам, воеводам, головам стрелецким и детям боярским были даны приготовленные лошади, на которых они и въехали в город. Царевич последовал на специально при-

готовленный для него двор. Вслед за ними туда последовали воеводы, по приезде в Астрахань Мурад-Гирею в этот день полагался почетный корм «перед поденным в полтора»³⁶.

Слухи о приезде царевича в Астрахань и его торжественной встрече распространились молниеносно. В город потянулись послы и сами мирзы из Больших Ногаев и Казыева улуса, а также гонцы с вестями из «Шевкал» и «Черкес» (Кабарды)³⁷. Казалось, планы Москвы и царевича начинают постепенно осуществляться. При этом первоначальный успех во многом зависел от грамотно проведенной информационной акции, сопровождавшей приезд царевича в Астрахань. Первые месяцы срабатывал эффект отложенных ожиданий, когда в Степи и на Северном Кавказе ожидали некоего положительного эффекта от самого факта появления Мурад-Гирея в городе. Дальнейшее развитие событий зависело от множества факторов, в том числе от реальных действий, как со стороны Гирея, так и московских воевод.

Примечания

- ¹ Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 222–223.
- ² Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М., 1948. С. 33–34.
- ³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 3.
- ⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. М., 1977. С. 336.
- ⁵ О статусе «пожалованных» городов см.: Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 292–297.
- ⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 70.
- ⁷ Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 12.
- ⁸ Скорее всего, «подданство» по-разному трактовалось Москвой и царевичами. Если в столице оно рассматривалось как однозначное подданство, то Гирею, по-видимому, видели в нем только временный союз. Подробнее о различном восприятии подданства см.: Тренавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 134–197. Также мы можем наблюдать разную интерпретацию тех или иных пунктов договора различными сторонами. Так, обещание помощи волжских, терских, яицких и донских казаков на одном из пиров, данных Мурад-Гиреем в честь ногайских мирз, озвучил как: «государь деи меня пожаловал, отпустил для нашего дела в свою государеву отчину в Асторохан, да дал деи мне воевод своих и ближних и великих людей, да дал деи мне волю над Волгою и над Терком, и над Яиком, и над Доном, и казаком велел быти в моей воле» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 12).
- ⁹ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков... С. 59, 99–100, 117, 212–217, 285–287; Виноградов А. В. Русско-крымские отношения в 1570–

- 1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 274–279 ; *Он же*. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 5. М., 2011. С. 242–287 ; *Он же*. Посольский дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов и дипломатические отношения русского государства с Крымским ханством в 70–90-х годах XVI в. // Исследования по источниковедению и истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. М., 2012. С. 187–199.
- ¹⁰ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 215.
- ¹¹ Описание архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. М., 1977. С. 79.
- ¹² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 25–30, 85; Описание архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. С. 400. Имеется документ, утверждающий, что волжский атаман Борис Татаринов (Татарин) во главе 95 казаков присоединился к царевичу по дороге, 30 сентября (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 61). Однако это могут быть два разных человека.
- ¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 121–123.
- ¹⁴ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков... С. 298–300.
- ¹⁵ Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород, 2006. С. 142.
- ¹⁶ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. I. С. 120–127.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1686 г. Д. 13. Л. 55, 59.
- ¹⁸ Там же. Ф. 123. Оп. 1, 1586 г. Д. 1. Л. 118–120.
- ¹⁹ Там же. Ф. 127. Оп. 1, 1586 г. Д. 13, Л. 69–70.
- ²⁰ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 225.
- ²¹ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков... С. 342–347.
- ²² Там же. Ф. 127. Оп. 1, 1586 г. Д. 13. Л. 49–54, 56–57, 58,
- ²³ Там же. Л. 31.
- ²⁴ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 264–265. Разночтения появились в результате округления полученных цифр. То же самое мы видим и при подсчете стрельцов. С царевичем отправили 400 московских, 200 новгородских, 30 нижегородских и 20 вассильгородских стрельцов. Всего получается 650 человек. Однако реально из-за недокомплекта было несколько меньше. Правда 30 сентября, в пяти верстах «ниже Балыклейского острова», встретили астраханского казачью голову Воина Аничкова, отправленного до Самары с четырьмя сотниками и четырьмя сотнями стрельцов сопроводить государевых гонцов (Семена Ушакова и Ивана Богданова) и «кладные струги» с казанским жильцом Араком Шумковым, Демидовыми людьми Черемисинова, торговых людей и тезиков. Восвода Р.М. Пивов велел до Самары отправить с караваном трех сотников (Салтана Вестанова, Никиту Зиновьева (Семена?)), Ушакова и 300 стрельцов. В. Аничкову с сотником и стрельцами (100) приказали сопроводить царевича до Астрахани (См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 41–44, 60, 65–66). 300 же стрельцов отправили к царевичу ночью, перед прибытием в город. Но тогда получается 1250 стрельцов (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 27–30, 32–36). Казаки продолжали прибывать и позднее. Всех их направляли в Астрахань (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1, 1586 г. Д. 13. Л. 38–40).
- ²⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 1–2, 100.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 1–2.
- ²⁷ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков... С. 265–278 ; *Он же*. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 8–30 ; *Он же*. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения : 2006. Н. Новгород, 2007. С. 29–60.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 3 об.–4.
- ²⁹ Там же. Л. 11, 96–100.
- ³⁰ Поход, в конечном итоге, так и не состоялся из-за смерти Стефана Батория. Это событие оказалось абсолютно неожиданным для Москвы. Пришлось принимать срочные меры по отмене мероприятий по его подготовке. Это усложнялось тем, что данные события разворачивались в зимнее время, и гонцов следовало посылать через холодную заснеженную степь. Грамоту об этом послали 26 февраля 1587 г. При этом собранные войска велели не распускать. В Москве еще не решили, следует ли их использовать на каком-либо направлении (См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 1–7).
- ³¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 7. По сообщению Самарского воеводы кн. Г.О. Засекина, яицкие атаманы, Матюшка Мещеряк, Ермак Петров, Ортюка Болдырев и Тимошка Пиздыш, а с ними казаков по пятьдесят человек. Таким образом, в этом отряде собралось около 200 казаков. Их пригласил к Мурад-Гирею в своей грамоте царь Федор Иванович, обещая за это простить «великие обиды» – разорение улусов Большой Ногайской Орды, в котором, в частности, принимали участие и атаманы Матюшка Мещеряк и Богдаска Барбаш с товарищами. 28 октября прибывших в Самару отправили в Астрахань. При этом отмечалось, что другие атаманы (Богдан Барбаша, Нечай Шанцкой, Ямбулат Ченбулатов, Якуня Павлов, Никита Ус, Первшука Зязя и Иван Дуда), а также 250 казаков не поверили царскому обещанию и остались на Яике (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1, 1586 г. Д. 13. Л. 38–40). Нападение казаков на юрты Больших Ногаев можно интерпретировать двояко. С одной стороны, это действия лиц привыкших зарабатывать на жизнь саблех и вынужденных терпеть многомесячное бездействие. С другой – это могло быть внутреннее (и вполне обоснованное) ощущение того, что судьбу ногаев в Москве в принципе уже давно решили. Поэтому на эти казачьи злоупотребления закроют глаза так же, как и на более ранние. Но в данном случае расчет не удался. На настоящий момент для Москвы важнее были ногаи.
- ³² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 72, 85.
- ³³ Там же. Л. 64.
- ³⁴ Там же. Л. 31–36.
- ³⁵ Там же. Л. 69–76.
- ³⁶ Там же. Л. 27–30, 32–36.
- ³⁷ Там же. Д. 1.